

Г. Шустер-Шевц

О СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЯХ РУБАШКИ
(‘camis[i]a, indisium’).
ЛИНГВО- И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

О. Шрадер пишет в своем “Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde” в статье на слово *Hemd*: “daß die älteste idg. Tracht ein Begriff des Unterkleides (Rockes) noch nicht kannte (разрядка автора. – Г.Ш.-Ш.). Es ergibt sich hiraus von selbst, daß das unter dem Unterkleide getragene Hemd ein verhältnismäßig junger Kulturwerb sein muß” (Schraeder-Nehring. Real. I, 494). И в славянских языках, на первый взгляд, также отсутствует общее обозначение вида одежды “рубашка”. Однако само понятие должно было быть известно им уже относительно рано, как следует из употребленного в чешско-немецкой историографии (Kosmas von Prag 1045–1125) оборота. “Рубашка ближе, чем платье”: “Quis enim ignorat, quod camisa proprior sit corpori, quam tunica” (Fontes II, 192). Как показывает просмотр с этой точки зрения материала отдельных славянских языков, можно обнаружить у славян отдельные лексемы, связанные с понятием “рубашка”, в основе которых лежат исконные или заимствованные слова. При этом значение ‘рубашка’ является преимущественно результатом более поздней семантической специализации. Следует различать поэтому праславянскую основу (соответственно также лежащее в основе древнее заимствование) и более позднюю форму отдельного языка с ее распространением в границах Славии. Речь идет о следующих лексемах: 1. *košul’a*, 2. **čechľь*/**čechlo*, 3. **rqbь*, 4. *riza*, 5. *sorka* и 6. *jъz-gьlo*¹.

1. Наиболее широко распространенное славянское название рубашки – это упомянутое выше под цифрой 1 **košul’a*, которое обнаруживает целый ряд других родственных вариантов значения. Ср. польск. *koszula* (с 16 в.), кашуб. *kašëla*, *košla*, *košula* 1. ‘рубашка, риза’, реже также 2. ‘первая, без текста страница книги’, 3. ‘промокательная бумага’, 4. ‘манжетка на цветочном горшке’, 5. ‘подкладка (пальто, костюма)’, 6. ‘кожура картофеля в мундире’, чеш. *košile*, ст.-чеш. *košule* ‘рубашка’, диал. морав. *košul’a* также ‘плодолистик’, *košilinda* экспр. ‘малыш в рубашонке’, словац. *košel’a* (!), диал. вост. также *košul’a* ‘рубашка’,

в.-луж. *košla*, диал. *košela*² (здесь *e* вм. *u*, как в в.-луж. *wotežka* ‘постромка’ < *wotužka* < **otqžьka* и в диал. *rozemić* ‘понимать’ при литер. *rozumić*³), более старое *košul(k)a* то же, н.-луж. *košula* ‘женская юбка, платье’ (с 1700 г.). Нижнелужицкому языку значение ‘рубашка’ неизвестно, здесь употребляется *zgło* (см. ниже), которое ранее заняло появившееся место в системе обозначений под влиянием соседних северно-западнославянских диалектов и помешало специализации ‘женская юбка’ > ‘рубашка’. Далее русск. стар. *кошуля* ‘поддевка на меху, тулуп, женская рубашка’, диал. также *кошля*, укр. диал. *кошуля* 1. ‘рубашка’, 2. ‘род язв, струпья по всему телу’⁴, также ‘вязаная рубашка; женская кофта’ (Лисенко), блр. *кошуля* ‘рубашка’, болг. диал. зап. *кошуля*⁵, макед. *кошула* 1. ‘рубашка’, 2. ‘плодолистик’, с.-хорв. *кошуља* ‘рубашка, риза’, 2. ‘змеиная кожа’, *кошуље* мн. ‘очистки’, словен. стар. и диал. *košúlja*, ц.-слав. **кошоуѣла** *indusium*. Реконструируемое **košul’а* до сих пор обычно рассматривали как праславянское заимствование из лат. *casula* ‘облачение с капюшоном’ (ср. также нем. *Kasel* ‘облачение с капюшоном католического священника’) (Фасмер; Sławski I, 547–548; см. также мою прежнюю точку зрения Schuster-Šewc II, 643), что, однако, очень сомнительно, так как в рассматриваемом случае, как видно из приведенных материалов отдельных языков, совершенно явно речь идет об очень древней лексеме, восходящей еще к общепраславянскому периоду. Заимствование славянского слова из латинского языка невероятно по хронологическим основаниям. Его влияние на славянские диалекты и языки можно проследить не ранее 9 в. н.э., то есть в связи с христианизацией славян, если мы допускаем ее начало вместе с ранней баварской миссионерской деятельностью. Этой гипотезе противоречит широкое распространение и народный характер слова во всей Славии. Об этом свидетельствуют также его различные побочные значения (‘обертка’, ‘кожура’, ‘струпья’ и т.д.), которые трудно вывести из значения ‘облачение’, восходящего к литургической терминологии. Это могло бы сформироваться только после принятия христианства в Славии, что совершенно невероятно. Большие трудности представляет также замена *s* (*casula*) на *š* (*košul’а*): ожидалось бы *ž* (*kožul’а*). Следовательно, это слово следует рассматривать, вопреки традиционным толкованиям, как древнее славянское образование, родственное с праслав. **košь* ‘корзина’⁶, **košeljь* ‘вязаный мешок’ и **koše(ě)l’а* то же, содержащими корень **koš-* (< **koch-*), ср. польск. *kosz* ‘корзина’, в.-луж., н.-луж. *koš* то же, н.-луж. стар. *košela* ‘плетене-

ный загон или пастушеская хижина', польск. *koszałka* 'плетеная корзинка', рус. *кошэль*, -*еля* 'плетеная из лыка корзинка, короб для сена, для хлеба' и *кошелёк*, ст.-слав. *кошьница* 'корзина' (первично плетеная из лыка или пряжи емкость). Оба слова (*košul'a* и *košel'a*) различаются лишь суффиксами (-*ul'a*: -*e(ě)l'a*). Однако словац. *košel'a* показывает, что оба образования смешиваются. Более позднее, вторичное влияние на словацкую форму со стороны ср.-в.-нем. *kāsel(e)* следует исключить, вопреки (Machek 225). В качестве исходного значения **košul'a* можно рассматривать 'одежда, сплетенная из льняных волокон или сотканная из грубого льна, которая надевалась под верхнюю одежду'. Ср. в этом отношении сохранившееся в украинском диал. *кошуля* в значении 'вязаная рубашка, женская кофта'. Содержащееся в *koš-* *š* восходит к экспрессивному *ch* (**koch-*), которое происходит из старого *s*⁷, при родстве с праслав. **kosnŏti*, ср. рус. *коснуться*, *касаться*. Из этого следует, что **kes-/ *koch-*, лежащее в основе **kosati/ *kochati*, исконно должно было обозначать также 'плести' (т.е. 'связывать нити или волокна, соединяя, сближая их'). Устанавливается также родство с **kochati* (ср. польск. *kochać* 'любить') и **košiti* (ср. в.-луж. *košić* 'целовать'), относительно которых определена первичность значения '(нежно) касаться'. Ср. в связи с этим также **čechľ/*čechlo*, для которых признается подобное родство с **česati* 'чесать' при экспрессивном **čechati* 'драть'.

Наряду с исконным **košul'a* славяне знали также восходящее к лат. *casula* слово *kažula/kazula*, которое, однако, датируется значительно моложе и используется лишь славянами-католиками. Ср. ст.-польск. *kazula, kazula* 'риза', кашуб. диал. *kazëla* 'саван; короткий полушубок' (Lorentz. Pomor. I, 341), *kažëla* 'саван' (Karłowicz II, 146–147), ст.-чеш. *kažula, kažiła, kazula* 'риза', словац. *kazula* то же, с.-хорв. *kāžula* 'стихарь' (Sławski I, 547–548). Об относительно молодом возрасте *kazula/kažula* говорит, наряду с *z/ž* (< *s*), также неизменное *a*. Следовательно, это слово однозначно исключается как источник слав. **košul'a*.

2. С **košul'a* родственно, как уже было сказано, употребляемое в ряде славянских языков и диалектов в качестве обозначения рубашки **čech(ь)ľ / *čech(ь)lo*, иногда с вокализмом *a/o* также **čach(ь)ľ / *čoch(ь)ľ*, ср. польск. *czechel, czechło* 'женская рубашка, саван', ст.-польск. (15–16 вв.) *czechel, czachel, -chła* 'рубашка, юбка из белого холста; полотенце, банная простыня', также (с 16 в.) 'саван, плащ, чехол, покрывало', диал. (великопольск.) *czechel, czychel, cychel* то же; чеш. устар. *čechel, -ch(e)-*

le ‘женская и мужская одежда, рубашка, юбка, головной платок’, ст.-чеш. *čechel, čechl, -la, -lu* ‘носовой платок; саван’ (также и диал.); словац. диал. *čechol* ‘юбка, пришитая к рубашке (*sukně pŕišita k rubáši*)’; в лужицких языках неизвестно; рус. *чехол*, диал. также *чахол* ‘женская нижняя юбка’, укр. *чохол, чехол* ‘чехол, покрывало’, *чохла* ж.р. ‘широкая часть рукава в женской рубашке’, диал. также ‘верхняя часть женской рубашки’; блр. *чахол* с теми же значениями, диал. (Полесье) *чохлы* ‘манжеты’; ст.-рус. *чехъль* ‘покрывало; род одежды’, ц.-слав. **чѣхль** ‘занавес, покрывало, покров, предмет одежды’, болг. *чехъл*, мн. *чехли* ‘туфли без каблуков’, макед. *чевол* ($v < x$) (SP 2, 120–121). Происхождение этого славянского слова также считается не поддающимся разъяснению (Vasmer 3, 332). Предположение о родстве с хетт. *ureššark* ‘женский головной платок’ см. (Machek 67). Авторы (SP 2, 123) указывают на возможную связь с **čechati, *česati* (“Nazwy odzienia łączą się nieraz z pojęciem gwania, darcia”), однако рассматривают этимологию данного слова как неясную (“etymologia niepewna”), что, на наш взгляд, безосновательно. Ведь корень *čech-* в **čech(ъ)lъ* без труда сопоставляется как *e*-ступень аблаута с корнем **koš-* < **koch-* в *košul’a*, также при экспрессивном изменении *s > ch*, ср. польск. *czechrać* ‘расчесывать шерсть’, чеш. *česati* ‘чесать’ при *čechati* ‘царапать’, словац. *česati* ‘чесать’ и *čechrať sa* ‘чесать, драть’ (= *vlasu pročešávat*), без *-r-* диал. экспр. *čechnut’* ‘дать пощечину’, *čechovať* ‘ругать’, с *o*-вокализмом *čochrať, cochrať*, польск. *czochrać* ‘чесать (лен)’, наряду с более старым *czochać (się)* ‘чесать(ся), царапать(ся)’, рус. диал. *чохнуть* ‘сбрызнуть’ (ср. рус. *коснуть* ($ч - x: к - с$), словен. *čéchati* ‘гладить, царапать (особ. о животных)’ и др. Относительно сопоставления *s* и *ch* ср. в.-луж. стар. *česel(o)* ‘мельничная решетка (устройство подобное гребню)’, чеш. *česle* то же при болг. *чешел* ‘гребень, скребница’ и словен. *česelj* то же, наряду с *češlj* то же. Также и в этом случае **čechl-* может быть выведено из основного значения ‘ткань, полученная сплетением волокнистого материала’ > ‘платок для укрывания тела’ > ‘примитивный род одежды, особенно рубашка’. Оба фонетические варианта (**kos-/koch-* и **kes-/čech-*) восходят к и.-е **kes-* ‘царапать, чесать’, ср. родственное греч. κῆσκέον ‘кудель’ (Pokorny I, 585).

3. **rqbъ*: ср. рус. *руб* ‘грубая одежда, кусок, обрывок’, *рубаха, рубашка, рубище* ‘грубая старая одежда; рубашка’, укр. *рубаха* ‘старая рубашка’, *рубатка* то же, *рубате* ‘белье’, польск. *raqb*, мн. *rębu* ‘край, рубец платка’, чеш., словац. *rubáš* ‘саван’, сло-

вац. диал. также ‘передник’, словац. диал. *rubáč* ‘рубашка’, словен. *rôb* ‘грубая рубашка’, в.-луж. *rubišćo*, *rubiško* ‘платок, шаль’, *rubjana košla* ‘льняная рубашка’, н.-луж. *rubišće* ‘льняной платок; саван; льняная одежда, грубый плащ’, стар. *rubjež*, *rubjaž* ‘льняной холст, платок’ (Jakubica 1548). Развитие значения: ‘льняной платок’ > ‘различные виды одежды’ > ‘рубашка’.

4. **riza*: ср. ст.-слав. *риза* ‘одежда; полотняная ткань’, рус. *риза* ‘одежда священника’, укр. *риза* то же, блр. *riза* то же, др.-рус. *риза* ‘одежда, пелена’, болг. *риза* ‘рубашка’, с.-хорв. *rīza* ‘одежда’, чеш. *riza* ‘длинная одежда’; возможно, также сюда (со старым *ě*) в.-луж. стар. *rěza* ‘риза’, прилаг. *rězynu*, *-a*, *-e* (Pfuhl 582) и *rězwa*, *ryzwo* (у в.м. *ě*, как в в.-луж. стар. и разгов. *ryč* ‘речь’, *ryčec* ‘говорить’) (Pfuhl 1110). Эти слова употреблены в рукописях маг. Я.А. Килиана (1683 – 1759), но не зафиксированы ни в одном в.-луж. источнике. Лежащее в основе всей группы **riza*, с аблаутным вариантом **rěza* рассматривается как родственное с лит. *raičas* ‘надрез, зарубка, след’, *raižyti* ‘резать’ (Bezlaį 3). Первичной мотивацией было бы ‘отрезанный кусок ткани, которым укрываются’, отсюда ‘рубашка’, прежде всего ‘риза’. По (Vasmer 3, 52) не исключено заимствование из какого-то восточного языка.

5. **sorka*: ср. рус. *сорочка*, диал. также *сорочица* ‘деревенская рубашка’, укр., блр. *сорочка* ‘рубашка’, др.-рус. *сорочька* то же, ст.-слав. *срачница* ‘рубашка’, также ‘плащ’, *сракы*, *-тъве* ‘нижняя одежда, рубашка’ (SJS), словен. *sráčica*, *srájkica*, *srájčka* ‘сорочка, манишка’. Принято толкование как заимствования из роман. *sarca*⁸, возможно – через албанское посредничество, ср. алб. *sark* ж.р. ‘белый шерстяной кафтан с красными крапинками’, которое в свою очередь выводится из араб. *sarq* ‘старое название ткани’. Соответствующие формы известны также балтийским, финскому и древнеисландскому: ср. лит. *šarkas* ‘одежда; суконный кафтан рыбаков’ при *švarkas* ‘пиджак’, лтш. *svārks* ‘сюртук’, фин. *särkr* ‘рубашка’, др.-исл. *serkr* м.р. ‘рубашка, кафтан, штаны’, англосакс. *sierce* то же. Предполагаемое в (Vasmer 3, 702) родство славянских и балтийских слов маловероятно. Здесь мы имеем древнее культурное слово.

6. **jъz-gъlo*: ср. н.-луж. *zгло* ‘рубашка’, уменьш. *zgelko*, древние фиксации: *sglo* ‘indusium, subucula’ (Meg. 1603), *sglo*, *sgelko* то же (Chojn. 1650, Hptm. 1761); кашуб., словин. *zгло*, *žгло* ‘рубашка, саван’ (SEK V, 293–294), польск. диал. *zгло*, *žгло*, *gzло*, *giezло*, *zgielko*, *žgielko* ‘длинная рубашка, в которой умершего кладут в гроб; рубашка’⁹, ст.-польск. *zгло*, *gzло* ‘рубашка’, редк. ‘риза’, *giezleczko*

‘рубашечка, льняная юбочка’, *kzło* (Kazania gnieźnieńskie): *xło* (= *gzło*, Г. Шустер-Шевц) ‘часть литургического одеяния’. Это славянский диалектизм, ограниченный ниже-лужицким, кашубско-словинским языками и северными польскими диалектами; его этимология до сих пор оставалась неясной. Ср. (Miklosich 31), где слово малоубедительно связано с рассмотренным выше **čechľь*. Так же и (Brückner 166): “może to same słowo co *czecheľ*”. И предложенное нами возведение *zğło* к и.-е. *(s)*keu-* ‘покрывать, укутывать’ с объяснением ‘покрывающая тело одежда’ (Schuster-Šewc 1949) теперь является лишь досадным предположением. Решающим для правильного толкования этого “трудного” слова оказывается вариант значения, зафиксированный в кашубско-словинском языке и в польских диалектах, – ‘длинная рубашка, в которой умершего кладут в гроб или в которой в языческие времена его сжигали на костре’¹⁰. Из этого значения Х. Поповска-Таборска сделала вывод, что рассматриваемое ею в качестве первичной формы (с нашей точки зрения, неверно) польск. диал. *zğło* связано как-то с ‘жечь’ и реконструировала, с ориентацией на праслав. **žegq*, **žegti*, исходное **žglo* ‘сжигаемый при кремации саван’, откуда позднее развилось современное общее значение ‘рубашка’. Начальное *z-* в *zğło* Поповска-Таборска толкует как вторичный префикс, являющийся следствием ошибочной интерпретации слова при его дестимологизации¹¹. Этому, однако, решительно противоречит нижнелужицкий, которому неизвестны формы с начальным *ž-*. Поэтому скорее следует рассматривать именно кашубские и польские формы с начальным *z-* как исходные, а *ž-* в этих формах можно объяснить как следствие гиперкорректного фонетического изменения, обусловленного стремлением избежать так называемого “мазурения”, ср. однотипные литер. *zubr* ‘тур’ вм. первичного *zubr* то же или диал. *zobać* ‘клевать’ вм. литер. *zdzobać* то же. Но, независимо от этого, предложенное Х. Поповской-Таборской установление связи со значением ‘жечь’ (точнее ‘гореть’) правильно. В основе слова лежит, однако, не **žegti*, **žegq* ‘жечь’, а **gьl-* (< и.-е. **geul-*, ср. ирл. *gúal* ‘уголь’, др.-в.-нем. *kolo* м.р. и *kol* ср.р. то же, ср.-в.-нем. *kol* ср.р., *kol(e)*, н.-в.-нем. *Kohle* – Pokorny I, 399). Сюда же относится праслав. **žal-* ‘гореть’ со ступенью чередования **gěl-*: ср. польск. *zalić się* ‘тлеть’, стар. *žale*, *žalisko* ‘доисторическое захоронение’ (Варшавский словарь 8, 688), *žalik* ‘урна с пеплом умершего’, *žalnik* ‘могила, курган’, далее в.-луж. *žel* нареч. ‘жаль’, *želić* ‘оплакивать’, *želny* ‘скорбный; покаянный, кающийся-

ся' < *žal- и н.-луж. *žal* 'жаль', *žalny* 'горящий, горячий'. Таким образом, реконструировать следует не *žglo, а *jъz-gъlo, уменьш. *jъz-gъl-ъko со значением 'сожженный (сгоревший) вместе с трупом саван', откуда позднее развилось общее 'рубашка', ср. особенно н.-луж. *zglo*, уменьш. *zgelko*, которые точно соответствуют исконной фонетической форме. В кашубском, наряду с *zglo/žglo*, есть увелич. *žglěšče*, обозначающее, помимо 'саван', также 'пожарище', тоже с гиперкорректным *ž* вместо *z*, ср. польск. *zgliszcze*, диал. *zglisko*, которые значат только 'пожарище, развалины после пожара'. Приведенное Поповской-Таборской (SEK V, 293) ст.-польск. *žglić* 'тлеть' (Linde²) является гиперкорректной формой и восходит к *žglić*. Значение 'саван' собственно польскому языку неизвестно. Структура *jъz-gъlo сопоставима с топонимами типа в.-луж. *Žarki – Särchen* (округ Bautzen/Budyšin), 18 в. *Sdziark*, 1843 *Zdžarki* и н.-луж. *Ždžark – Särchen* (округ Calau – Kalaw) < *jъz-žar- с первичным значением 'место, подготовленное для поселения сожжением леса'. Вставное *d* служит для того, чтобы избежать потенциальной ассимиляции в группе из двух подобных звуков -žž-. Кашубские и польские диалектные варианты *gzlo*, *giezlo*, *zgielko*, *žgielko* и под. – вторичные, возникшие вследствие дестимологизации слова и трудного произношения группы согласных *zgl*.

Суммируя сказанное, следует признать: славянские языки изначально не располагали единым названием для нижней одежды "рубашка". Шире всего распространено славянское название рубашки *košul'a*, которое никак не является заимствованием из лат. *casula*, как ошибочно толковалось до сих пор. **Košul'a* родственно скорее всего со слав. *koš* 'корзина, короб', *košel'a*/**košěl'a* 'емкость, плетеная из прутьев'. Следовательно, славянская рубашка была видом одежды, сплетенным (сотканым) из волокон или льняных нитей, который служил для защиты голого тела. Но, как показывает нижнелужицкое значение 'женская юбка, платье', семантика этого слова была изначально шире и первично оно могло также обозначать длинную одежду, типа юбки. На юго-востоке Славии с **košul'a* конкурирует синоним **riza*, который равным образом должен быть автохтонного происхождения; позднее он обозначал по преимуществу литургическую одежду (облачение священника). Такое же значение имело у западных и части южных славян католического вероисповедания восходящее к лат. *casula* название *kažula/kazula*, которое несомненно следует отделять от **košul'a*. Сходного с **košul'a* происхожде-

ния **čechlъ*, фонетически родственное, засвидетельствованное несколькими славянскими языками (диалектами). Лежащий в его основе денотат отличается, вероятно, от **košul'a* изначально только используемым материалом или способом применения. Исконного происхождения, далее, и засвидетельствованное преимущественно восточнославянскими языками слово *рубаша/рубашка*. Лежащее в его основе **rqbъ* также имело первично более широкое значение – ‘род грубого льняного платка’, из которого только позже развилось новое значение ‘рубашка’ как ‘род одежды, прикрывающей (верхнюю) часть тела’. В отличие от них заимствованием (культурным бродячим словом) является представленное главным образом в восточнославянских языках, а также в церковнославянском и словенском языках, *soročka, sraka, sráčica*, которое распространилось из Средиземноморья на северо-восток. Особое место принадлежит северо-западнославянскому диалектизму *zгло*, уменьш. *zgelko*, очень древнему и вместе с тем позволяющему обнаружить интересную черту похоронного обряда древних славян. Этимология слова показывает, что его основа восходит к и.-е. **geul-* ‘гореть’. Первичное значение было ‘сжигавшийся (сгоравший) при кремации умершего длинный, доходивший до щиколоток саван’, откуда позднее развилось значение ‘рубашка’.

Изложенный выше сравнительно-исторический анализ славянских названий рубашки, таким образом, подтверждает соответствующее положение О. Шрадера об “einen relativ jungen Kulturerwerb”.

Примечания

¹ Мы помечаем все праформы астериском (*), хотя осознаем проблематичность такого обозначения, при учете возможности, что соответствующие праформы принадлежат к разным хронологическим уровням.

² Об ареальном распространении названий рубашки в лужицких языках см.: Sorbischer Sprachatlas/Serbiski rečny atlas 6 – Terminologie der Sachgebiete Körper und Kleidung. Bautzen/Budyšin, 1978. Karte 62, 67.

³ См. *Schuster-Šewc H. Zwei sorbische Lautprozesse // Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica, 23/24 (1971–1972). Bratislava, 125–129.* Перепечатка: *Idem. Das Sorbische im slawischen Kontext // Ausgewählte Studien. Schriften des Sorbischen Instituts / Spisy Serbskeho instituta, 24. Bautzen / Budyšin, 2000, 121 – 125.*

⁴ *Желеховский С.* Малорусско-німецкий словарь. I–II. Львів, 1886.

⁵ *Stojkov St. Dwie leksikalne izoglosy w bułgarskim // Studie lingwistyczne in honorem T. Lehr-Spławiński. Kraków, 1963, 272–273.* О других болгарских диалектных формах см. БЕР 2, 695 – 696.

- ⁶ См.: *Niederle L. Slovanské starožitnosti. Odíl kulturní. Život starých Slovanů. D. I, sv. 2. Praha, 1913, 450, прим. 3, со ссылкой на Е. Смирнова и Фр. Краусса, которые также исходили из родства *košul'a с *košъ.*
- ⁷ Ср.: *Schuster-Šewc H. Überlegungen zur Genese des urlawischen *ch // Studia etymologica Brunensia I. Praha, 2000, 23–35.*
- ⁸ *Steinhauser W. // Slavistična Revija. III let., № 3–4. Ljubljana, 1950, 287 и след.*
- ⁹ *Mały atlas gwar polskich, t. VIII/Opracowany przez Pracownię Zakładu Językoznawstwa PAN w Krakowie pod kierunkiem M. Karasia. Wrocław, 1968. K. 366, 60–61.*
- ¹⁰ *Поповска-Таборска Х. Загадочный северо-западнославянский диалектизм // Этимология. 2003 – 2005. М., 2007, 178–180.*
- ¹¹ “Формы с начальным z- при таком подходе придется признать вторичными, возникшими после утраты исходного значения слова и мнимого приобретения начальным z- функции префикса”. – Там же, 179.

Перевела с немецкого *Ж.Ж. Варбом*